

Лу Цзинцянь сел на диван, безразлично наблюдая, как они расходятся по разным комнатам и углам.

Бония сел напротив него и сказал:

— Я и Чакс, учитывая наши старые отношения, постоянно защищали тебя, не желая слишком давить. Но если ты будешь продолжать идти против нас, нам придётся прибегнуть к более жёстким мерам.

— Что? Вы хотите пытаться меня? — с презрением ответил Лу Цзинцянь. — Не то чтобы я вас недооценивал, но если вы решитесь на это, вам придётся спросить разрешения у тех, кого мой отец спас.

— Пытки не потребуются, — Бония произносил угрозы, но в душе злился. Ему очень хотелось применить силу к Лу Цзинцяню, но сейчас это было невозможно. — Мы просто считаем, что внешний мир слишком опасен для тебя, а ты слишком наивен и доверчив. Чтобы ты не пострадал и не был обманут, тебе лучше оставаться дома и никуда не ходить.

— Значит, не пытки, а домашний арест? — Лу Цзинцянь усмехнулся. — Смешно. Вы действительно думаете, что Орден Белых Рыцарей на этом континенте достиг такого могущества, что может делать всё, что захочет? Или вы считаете, что я настолько слаб, что позволю вам контролировать меня без сопротивления?

— Даже если ты захочешь сопротивляться, что ты сможешь сделать? Неужели ты действительно рассчитываешь на помощь Ордена Чёрных Рыцарей? — Бония выглядел уверенным, что Лу Цзинцянь бессилен.

— Ты думаешь, что наш орден не способен ему помочь? — Антуан вошёл внутрь с людьми.

— Что ты здесь делаешь? — Чакс шагнул вперёд, встречая Антуана взглядом.

— Это твоё место? Какое право ты имеешь решать, могу ли я здесь быть? — ответил Антуан.

— Это внутренние дела нашего ордена, поэтому прошу тебя и твоих людей уйти! — серьёзно сказал Чакс.

— Извини, я не член вашего ордена, — Лу Цзинцянь встал. — Не называйте ваше вторжение в мой дом и обыск внутренними делами Ордена Белых Рыцарей. Я поручил Ордену Чёрных Рыцарей защищать меня, поэтому их присутствие здесь — с моего разрешения. Вы же — те, кто вторгся без права, и не имеете права говорить им уходить.

Чакс, раз за разом получая отпор от Лу Цзинцяня, был в ярости. Он повернулся к нему:

— Лу Цзинцянь, подумай хорошенько. Если ты решишь полностью порвать с нашим орденом, я больше не стану помогать тебе из-за старых отношений, что бы ни случилось!

— Это было бы просто замечательно. Но я надеюсь, что ты сдержишь слово и больше никогда не обратишься ко мне за помощью, — Лу Цзинцянь указал на дверь. — А теперь, пожалуйста, убирайтесь!

Чакс сжал зубы от злости и, гневно глядя на Лу Цзинцяня, сказал:

— Мы не уйдём, пока не найдём то, что ищем. Даже если придётся применить силу, мы

останемся здесь!

— Значит, ты собираешься откровенно грабить? — спокойно спросил Лу Цзинцзянь.

Чакс всегда заботился о своей репутации и не хотел прослыть грабителем. В прошлый раз он мог сказать, что обыскивал дом с согласия самого владельца. Но на этот раз Лу Цзинцзянь прямо приказал ему уйти, а он настаивал на обыске, что действительно было похоже на грабёж.

— Тогда решим это силой, — сказал Антуан. — Ордена Чёрных и Белых Рыцарей давно должны были выяснить отношения. Кто проиграет, тот уйдёт.

— Не стоит, — возразил Лу Цзинцзянь. — Если они хотят остаться и искать, пусть ищут. Даже если они разберут дом по кирпичику и перевернут землю, они не найдут тех лекарств.

Лу Цзинцзянь обратился к Антуану:

— Командир Антуан, я больше не могу оставаться здесь. Могу ли я временно пожить у тебя?

— Конечно, — Антуан ответил без колебаний. — Он тоже считал, что Лу Цзинцзяню будет безопаснее жить у него, и ему будет проще защищать его.

— Я уже говорил, — Лу Цзинцзянь с вызовом посмотрел на Бонию, — Орден Белых Рыцарей ещё не настолько могущественен, чтобы контролировать всё. Ваши планы по моему заточению никогда не осуществятся.

Лицо Бонии слегка исказилось. Он давно подстрекал Ордена Чёрных и Белых Рыцарей к соперничеству, одновременно пытаясь завоевать доверие Антуана, чтобы тот, как и Чакс, стал благосклонен к нему. Но теперь, когда Лу Цзинцзянь перешёл на сторону чёрных рыцарей и, возможно, передал им лекарства, оставленные отцом, ему будет сложнее завоевать расположение Антуана.

— Сегодня вы вторглись в мой дом и вынудили меня уйти. За эти унижения я обязательно заставлю вас заплатить вдвойне, — Лу Цзинцзянь посмотрел на Чакса, а затем перевёл взгляд на Бонию. — Я заставлю вас пожалеть о содеянном и заплатить за всё, что вы сделали!

— Пойдём, — Лу Цзинцзянь и Антуан вышли, а чёрные рыцари начали отступать.

Чакс и Бония, не сговариваясь, с гневом смотрели на их спины, словно их глаза готовы были выстрелить огнём.

Проходя через двор к воротам, Лу Цзинцзянь увидел толпу зрителей, собравшихся у входа. Он подумал и сделал несколько шагов вперёд, приказав открыть ворота.

Лу Цзинцзянь громко обратился к толпе:

— Уважаемые! Сегодня Чакс и Бония, желая заполучить лекарства, оставленные моим отцом, ворвались в мой дом и начали обыск. Я попросил их уйти, но они заявили, что не уйдут, пока не найдут лекарства, и даже собираются заключить меня под домашний арест.

Он сделал паузу, наблюдая, как люди начинают шептаться и обсуждать, затем продолжил:

— Перед лицом давления Ордена Белых Рыцарей я, одинокий и беззащитный, был вынужден обратиться за помощью к Ордену Чёрных Рыцарей. Но люди Белых Рыцарей настаивают на

поиске лекарств, даже готовы вступить в бой с Чёрными Рыцарями, лишь бы не уходить.

— Все знают, что оборотни всегда готовы напасть на людей. Поэтому я не хочу, чтобы из-за меня два ордена ослабили друг друга, дав оборотням шанс. Теперь мне приходится оставить дом, оставленный мне отцом, чтобы Белые Рыцари могли искать сколько угодно.

Лу Цзинцзянь, играя свою роль до конца, с гневом и печалью в голосе сказал:

— Сегодня я вынужден покинуть свой дом, и всё это — из-за Чакса и Бонии! Мой отец при жизни спас бесчисленное количество людей. Если бы он увидел, как его единственного сына выгоняют из дома после его смерти, я не знаю, насколько он был бы опечален.

Толпа снова зашумела, большинство смотрели на Лу Цзинцзяня с сочувствием, шепчась и обвиняя Чакса в жестокости. Отец Лу Цзинцзяня был таким добрым человеком, а они после его смерти обижали его единственного сына.

Чакс и Бония вышли и, услышав слова Лу Цзинцзяня, выглядели крайне недовольными. Репутация Ордена Белых Рыцарей, хотя и не была окончательно разрушена этими словами, но если этот случай распространится, репутация Чакса и ордена неизбежно пострадает, и они столкнутся с осуждением.

Антуан, опустив голову, увидел, как в глазах Лу Цзинцзяня блеснули слёзы. В его сердце внезапно возникло чувство жалости. Это новое, незнакомое чувство удивило его самого.

Он всегда был человеком с холодным сердцем, мало подверженным эмоциям. Даже смерть не казалась ему чем-то печальным. Когда умер его отец, он не испытывал особой грусти. Он всегда считал, что все люди умирают, просто одни раньше, другие позже. Главное — делать то, что хочешь, пока жив. Смерть не была чем-то страшным или достойным скорби.

<http://bllate.org/book/16839/1548903>